

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

Эл Ригби

#СКАЗКИ ЧУЖОГО ДОМА

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ
КНИГА II

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р49

Оформление карты *Серафимы Павловой*

Р49 **Ригби, Эл.**

Сказки чужого дома : роман / Эл Ригби. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 608 с. — (ONLINE-бестселлер).

ISBN 978-5-17-103420-7

Одна из них арестована. Другая отчаялась. Третья сбежала. Четвертый зол на весь свет, а пятый ищет ответы на опасные вопросы. Шестая затаилась в забытом городке. Там, где мир умертвил прошлое и где в память об этом вскоре вновь соберутся правители Син-Ан.

Немало прошло со дня, когда Зверь мчался туда по стальной тропе. Со страшной бойни, стоившей жизни многим в алой страже. С предательства, разлучившего одних близнецов и сделавшего сиротами других.

Какую сторону они примут? Какие тайны откроют? И какие забытые сказки оживут, когда переменится ветер?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-103420-7

© Э. Ригби, 2017
© Shutterstock, Inc., фотография на обложке, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
(Сергей Есенин. «Пугачев»)*

[ПОКА ЗАЖИВАЮТ РАНЫ] УЗНИК

683-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН. ВРЕМЯ ВЕТРА СНА

Мальчик сидел, забившись в угол подоконника, и чувствовал себя брошенным. Впрочем, именно так и произошло. Сейчас это стало ясно как никогда.

Колено саднило: поднимаясь по лестнице, он споткнулся, прямо у всех на глазах. На него и так смотрели косо: среди курсантов, одетых в такие же черные мундирчики, так же аккуратно причесанных, таких же бледных и голубоглазых, он все равно казался кем-то вроде черной такáры. От него еще пахло домом. Остальные пробыли в Корпусе намного дольше.

Домашний.

Это слово он всё время слышал, следуя за своим Сопровождающим офицером. Оно раздражало. Юный

Миаль Паолино не сомневался, что через какое-то время затолкает его в глотки всем, кто смеялся, когда он упал, и всем, кто потом еще гоготал под дверью. Затолкает. Но не сейчас. Сейчас — вечер, белые холодные лепестки яблонь падают из темного Небесного сада. Время, когда детям трудно бороться с тяжелыми мыслями. Даже мальчикам. Особенно брошенным мальчикам.

Конор справился бы лучше.

Подумав об этом, он усмехнулся. Конор остался дома. Из него, более живого, общительного и хваткого, сделают преемника отца, чтобы управляться с почтовой службой. Родители распределили правильно. Один сын будет опорой, второй — щитом и мечом одновременно. К тому же Миалю всегда нравились военные, не потому ли *«ты так сдружился с этим вестинским оборванцем, унеси его ветра»*? Он не сомневался: эта дружба послужила дополнительной причиной, чтобы услатить его подальше.

Прощаясь, Сопровождавший офицер — *ка́ми ло Дóптих* — извиняющимся тоном предупредил:

— У тебя чудной сосед. Неуживчивый. Если будет неумогу, жалуйся коменданту.

Сейчас спальня пустовала. На уши давила тишина, голову кружил запах свежей краски — корпус отстроили недавно. Комнаты были небольшие, каждая всего на двоих. Никакого «хлева», как отзывался об условиях курсантской жизни отец.

Миаль не сомневался: появление соседа окончательно испортит день. Он даже почти ждал этого, чтобы перестать надеяться на что-то хорошее. Наконец распахнулась дверь. Набитая сумка, пролетев по воздуху, шлепнулась на свободную постель. Ее хозяин

остановился на пороге. Миаль смотрел на него во все глаза. Он видел на почтовой станции немало полукровок. Но не таких.

710-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН. ВРЕМЯ ВЕТРА СБОРА. НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ДО ТАКАТÁНСКОГО ВЫПУСКА

Даже не шевелясь, он ощущал: тело все в синяках и ссадинах. Кажется, они были не свежими, не сегодняшними, и уже начинали подживать. Осознание этого заставило собраться и открыть глаза. Голова болела. Взгляд фокусировался с трудом. Светлая комната расплывалась.

— Где я?.. — сдавленно спросил он в пустоту.

— Все так же живуч, — удовлетворенно произнес знакомый голос.

Грэгор Жераль прищурил синие, с узкими рептилоидными зрачками, глаза. Он сидел, закинув ногу на ногу, в кресле у изголовья кровати и едко улыбался.

— Здравствуй, Отшельник.

Даже двинуть рукой оказалось больно: цепи долго удерживали запястья на весу. Пожалуй, из всех ощущений это было самым неприятным.

— Ты...

Голос будто заржавел. Жераль приложил длиннопалую когтистую руку к груди:

— Я. Стало тоскливо, когда ты упал лицом прямо на мои саварры. При другом раскладе... — Ки качнул сапогом в воздухе, демонстрируя начищенный, покрытый узором острый нос. — Я заставил бы их облизывать. Но не тебя, конечно.

Он усмехнулся. Паолино усмехнулся в ответ, но ничего не сказал и повернул голову в сторону. Окно

не было зарешечено, виднелись голубовато-золотые башни. Нетрудно было догадаться, что...

— Мы все еще в Аджавелле?

— Мы все еще в Аджавелле, — кивнул Жераль. — Галат-Дор тебе не грозит. А вообще... — Их взгляды снова встретились, губы ки дрогнули в улыбке, на этот раз теплой. — Я тебе рад.

— Зачем ты вытащил меня?

— Ты нужен, — бесхитростно откликнулся Жераль. — К тому же, если что, после отдыха вторая серия допросов будет воспринята тобой острее. Никому не надо, чтобы ты привыкал к боли, хотя... — Тень легла на лицо. — Я бы этого хотел.

Паолино знал, что значит «вторая серия». Он лишь насмешливо уточнил:

— Зачем?

— Потому что мы друзья? — Ки перекинул за плечо несколько тонких кос.

Для него сказать подобное в такой ситуации стало обычным. Паолино это понимал. В этом они всегда были похожи.

— Я не о том, — глядя в упор, произнес он. — Почему это снова началось? Что за паника? Я ведь вижу. Они *паникуют*. Ты... тоже?

Жераль потер переносицу кончиками пальцев. Глядя только на носы своих сапог, он заговорил:

— Обстоятельства поменялись, Миаль. И кое-что, на что мы надеялись, не осуществилось.

— Хочешь сказать, — Паолино не сдержал усмешки, — что ты в чем-то ошибся?

Узкие губы сжались в еще более тонкую линию. Пальцы постучали по отвороту левого рукава. Жераль явно думал, стоит ли признавать подобное. И, конечно

же, отказался от этой мысли. Когда он заговорил, его голос звучал особенно холодно и жестко:

— Хочу сказать, что, возможно, Зверь на тропе. Ну же, Миаль. Что везли в *поезде*?

Снова это. И ради чего с него сняли цепи?

— Брат не говорил.

— Ты мог узнать от *кого-то другого*.

— Я не узнал. Поверишь ли, были совсем другие дела. Дети, знаешь..

— Как я от тебя устал.

— Знал бы ты, как устал я.

Бросив это, Паолино откинулся на подушку. Он догадывался: болтовня скоро кончится. Передышкой — пусть и такой — лучше насладиться. И, стараясь говорить ровно, он повторил то, что уже несколько раз повторял пятнадцать юнтанов назад.

— *Они* нашли нечто, что важно для Вёспы. И еще — у них есть некая сила, которая заставит их выслушать. Это всё, что я слышал. Конор не доверял мне. Мы были чужими, и больше я не сталкивался ни с кем из..

— Миаль! — Жесткая рука ки без особых церемоний схватила его за воротник. — Ты лгал мне несколько юнтанов подряд, и я это проглотил. Как думаешь, почему?

— Потому что мы друзья? — Паолино с кривой улыбкой поднял брови.

Пальцы разжались.

— Сгниешь, пока мы не узнаем больше, — глухо прошипел Жераль. Даже моргать он стал чаще, чем обычно, а кадык буквально заходил ходуном. — Неважно, как. Важен результат. Они, эти ле без отворотов, тебя добьют, несмотря ни на что. Я не хочу этого. И ты же понимаешь, Миаль.. — тон неуловимо

изменился, — даже когда всем хорошо, кому-то все равно плохо. Вопрос — только в пропорциях. А если бы *это* вскрылось, было бы плохо всем.

— Понимаю. А так — лишь тем, кому и тогда, — кивнул управитель, — они привыкли. Это как приспособливаться к боли. Правильно?

Он знал, как думает сам Жераль. Лицо скривилось, губы опять поджались:

— Не нужно лицемерия. У тебя не было причины, которая была у твоего брата. У меня тоже. Знаешь, иногда я задаюсь вопросом, почему...

— Мы люди. В нас есть что-то, из-за чего мы не приемлем несправедливость, если она допущена. А она допущена. И ты прекрасно...

— Заткнись. Эти люди не просто борются за правду. Они опасны.

— Я знаю.

Немигающий взгляд Жералья снова обратился к окну.

— Я был там. В их городах, поселениях. Они заслуживают лучшего. Да. Лучшего, чем ублюдки из Стенных районов. А этот их новый то́бин? Неплохой малый, с ним многое могло бы наладиться, если бы только... — он оборвал сам себя и махнул рукой, словно разрубил воздух. — Да плевать. Я вижу *кигно́ллу*, Миаль. А ты нет.

— Кигноллу?..

Это изобретение ки давно вошло в обиход по всей Син-Ан. Подвески, состоящие из деревянного каркаса и ряда или нескольких рядов стеклянных колокольчиков, заполненных водой. Их вешали над порогом. Стоило задеть любой колокольчик, — звенели все. А вот чтобы они замолчали, остановить нужно было какой-то один. Всегда — разный.

— Представим... — Жераль откинулся назад, — что мы обнаружили серьезное нарушение в большой... организации. Такое, что по-хорошему всех, вплоть до простых работяг, стоило бы вздернуть. Потому что они догадывались, что творят. Если не всех, то хотя бы... — язык быстро скользнул по губам, — главных.

— Таким образом, закон не будет нарушен. Что и входит в твои обязанности.

— А также я получу энное количество семей, у которых не будет возможности прокормиться, потому что их мужчины и женщины либо умрут, либо потеряют места со скверным клеймом. Сколькими мы пожертвуем ради закона? Сотней? Двумя?

Голос звучал монотонно, без эмоций. Жераль был расслаблен. Знал, что говорит.

— А насколько мала вероятность, что новые продолжат плевать на закон? Или что не удержат организацию на плаву? Нет... — Кованый нос сапога качнулся. — В конечном счете мы получим одно и то же. Разлаженную систему. Голодные семьи. Больные выводки. Бунты. А кто-то умрет... — Жераль смежил веки и поднял гладко выбритый подбородок, будто обращаясь к Зулуру. — К примеру, какая-нибудь женщина. Допустим, она должна была выносить и родить того ребенка, который придумает, как сделать все то, что творится вокруг тебя и меня, лучше... — он помедлил, — так какой колокольчик придержим, Миаль? Чтобы остановить то, что начало звенеть, требуя помощи, и не заткнется, пока не сдохнет?

Паолино вздохнул. В вопросе не было ничего нового. Просто его собственная кигнолла давно уже состояла из всего пары колокольчиков. Ему многое казалось простым. Даже слишком.

— Справедливость должна быть справедливостью.

Жераль глухо рассмеялся:

— Да. Но представь, что вместо организации — Синедрион. Или Длань. А как жить с отрубленной рукой? Возможно, тебе придется проверить и это... — его глаза блеснули. — Желаеть?

— Если бы это входило в твои планы, — Паолино приподнял кисть и пошевелил пальцами, — руки у меня бы уже не было.

Жераль плавно поднялся, потянулся. Наблюдая за ним, Паолино поймал себя на том, что ждет удара. Но его не последовало.

— Ты спокоен, — опускаясь обратно, лениво изрек ки. — Потому, что не знаешь, что они с тобой сделают?

— Потому что знаю достаточно хорошо. Вот только...

— Что?

Впервые пришлось отвести взгляд:

— Мне жаль моих сирот. Они наверняка тревожатся. Если, конечно... — он снова посмотрел на Жераль, — они невредимы, хоть кто-то из них.

— Я не отдавал этого приказа, — произнес ки быстро и даже нервно, сцепляя пальцы в крепкий замок у груди.

Паолино лишь усмехнулся: «Конечно, не отдавал. Всё намного сложнее, но это тебя не касается».

— Это был особенный туман, Грэгор.

Об остальном можно было и умолчать, по крайней мере, сейчас. Отвлекая внимание, он спросил:

— А в тот раз? С *чужаками*? Они вписывались в твою систему. Их исчезновение...

— Я тут ни при чем, — отрезал Жераль. — Масовые убийства — совершенно не мое хобби. Предпочитаю лыжи.

Паолино кивнул. Жераль поднялся, пересел на край постели и понизил голос:

— Кое-что еще должно тебя волновать, Миаль. Я уверен: волнует. Тебя ищут.

— Кто же?

— Возможно, даже... Деллависсо, — вкрадчиво прошептал ки. — Они живы.

В горле пересохло.

— Откуда ты знаешь?

— Зверь сопротивляется. Он в своем уме. Я видел его недавно, Миаль, он чист от дрэ. — Подождав ответа и не получив его, Жераль продолжил: — Пойми. Что-то готовится. И никто из тех, кому дорога твоя шкура, не пострадает при одном из двух раскладов. Первый — ты будешь свободен и дашь о себе знать. Второй — ты окажешься мертв. Думаю, ты понимаешь, что предпочел бы я.

Даже сквозь одеяло и одежду он чувствовал идущий от ки холод. Снаружи они все были холодными, даже полукровки. Пламя пряталось внутри.

— У меня нет ответов, Грэгор. Все в прошлом.

— В твоих интересах, чтобы сейчас ты лгал.

683-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН. ВРЕМЯ ВЕТРА СНА

Голубоглазых ки не существует, Паолино знал. Чистокровные желтоглазы, зеленоглазы, красноглазы. Сочетание, увиденное Миалем, было жутким и одновременно завораживающим своей неестественностью.

Пока сосед стоял, привалившись к косяку, и осматривал комнату, он моргнул раз или два, не больше.

Веки были тяжелыми. Горло периодически подергивалось, будто там что-то перекатывалось, — это казалось отвратительным. Но Паолино долго глядел на него не отрываясь и наконец первым произнес:

— Привет.

Сосед постоял еще некоторое время, потом бесшумно прикрыл дверь и направился вперед. Каждый шаг был мягким, быстрым, четким. Полукровка даже двигался как ящерица, и невольно Миаль присмотрелся.

— У таких, как я, нет хвостов.

Ки сказал это просто, без недовольства. Миаль все равно смутился:

— Извини.

Мальчик пропустил это мимо ушей. Подошел к окну, ловко забрался рядом.

— Нравится?

Паолино окинул взглядом здания. Младший корпус алопогонных не был корпусом в полном смысле. Он состоял из группы башен с переходами. Построенные в разное время и в немного разном стиле, квадратные и круглые, вытянутые и приземистые, башни роднило одно: все они были из обожженного красного камня. Крыши сверкали белым металлом.

— Здесь... здорово. — Голос Миалья прозвучал жалко.

Сосед склонил голову, жидкие черные волосы упали на лоб:

— Скулишь по родственничкам?

Спросил презрительно: ки ведь не заводят семей. Это отдаляет ящеров от всех остальных, делая их будто бы... недоразвитыми. Хотя во многом они превзошли своих собратьев, а не отстали.

— Не распускай нюни. — Его холодная когтистая рука вдруг легла на плечо Миалю. — По тебе видно, ты не из таких. Приживешься. Добро пожаловать.

Сосед не употребил слово «домашний» и улыбнулся. Правда, довольно криво, но по-другому он не улыбался почти никогда. Вскоре Миаль привык к такой улыбке. Со временем она стала почти единственной, на которую он мог рассчитывать.

...Он проводил в Такатане большую часть юнтана. На время каникул ему позволялось возвращаться в Галат-Дор. И если поначалу он с нетерпением ждал этого, а еще больше — перевода в Старший, столичный корпус, то потом перестал. Жизнь среди алых башен, изнурительные тренировки, непрерывная борьба за первенство — все постепенно делало его другим.

710-Й ЮНТАН ОТ СОЗДАНИЯ СИН-АН. ВРЕМЯ ВЕТРА СБОРА

— А знаешь, кто еще скоро объявится?

Взгляд ки словно резал. Или выжигал — прямо на лице. Паолино чуть приподнялся:

— Кто же?

— Сиш Тавенгабár. Вернулся. Его уши и часть морды так и остались седыми, а мозги набекрень. Забавное зрелище. Скоро я с ним повидаюсь: в Такатане намечается Выпуск. Давно не видел это вдохновляющее действо... и Лира. Жаль, в этом году вы не поболтаете о книгах и стихах, как раньше.

У Паолино защемило в груди, но он промолчал. Услышанное показалось ему тревожным. Очень тревожным. Жераль хохотнул: